

УДК 81'25

ДИСКУРСИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА: К ОБОСНОВАНИЮ СТАТУСА

К.И. Леонтьева

Московский институт государственного управления
и права, Смоленск

Определяется место новой дискурсивной онтологии в современной парадигме переводоведения (русской и западной), методологически опирающейся на интегративный по своему характеру дискурс-анализ, переменные которого (факторы «средств», «общения» и «людей») позволяют выявить реальную смысловую динамику в рамках переводной художественной коммуникации.

Ключевые слова: *теория перевода, дискурсивная онтология, дискурс-анализ, переводческий интердискурс.*

В 2003 году М.Л. Макаров указал на становление новой системы научных взглядов и аналитических категорий в лингвистике – дискурсивной онтологии, в которой коммуникативные процессы и явления анализируются в рамках качественно иной по сравнению с традиционной лингвистикой (механистическая онтология) среды – в социально-психологическом «человеческом пространстве» [7, с. 15–19]. В теории перевода схожий тезис в 1997 году был выдвинут Н.Л. Галеевой [3], по критерию методологии предложившей выделять две в целом противоположные онтологии перевода – деятельностьную и субститутивно-трансформационную. С учётом масштабной экспансии теории перевода в смежные области (психолингвистику, лингвокогнитологию и лингвокультурологию) за прошедшие 15 лет деятельностьная онтология перевода, с её антропологической фокусировкой на языковой личности, на процессуальном аспекте перевода как речемыследеятельности и рефлексии заняла ведущие позиции. Вместе с тем, современное состояние лингвистики, при её полномасштабной переориентации на дискурсивный аспект языковой коммуникации, равно как и тезис М.Л. Макарова, уже получивший своё практическое подтверждение в социогуманитарных науках, позволяют говорить о возможности поглощения (не противопоставления) деятельностьной онтологии более широкой, интегральной по своему характеру дискурсивной онтологией. Тем более подобный сдвиг уже имел место в отечественной теории перевода, когда сама деятельностьная онтология поглотила более узкие лингвокультурологические и лингвокогнитивные теории.

В целом, дискурсивная онтология перевода основывается на ана-

лизе и моделировании динамики интерактивного взаимодействия в рамках трёх дискурсивных фаз процесса перевода (креативной, рекреативной и рецептивной) трёх основополагающих факторов коммуникации – фактора «средств», «общения» и «людей» (см.: [8]).

Фактор «средств» – это основной объект лингвистической теории перевода, традиционной категорией которой является эквивалентность. В теории перевода предлагались различные уровневые иерархии эквивалентности, с приоритетом того или иного типа. Однако, несмотря на подобную разработанность, лингвистические теории стали объектом активной критики. Во-первых, по верному замечанию Т.Г. Пшёнкиной, материалом анализа в данном случае являются некие обобщённые способы решения стереотипных практических задач перевода, ввиду чего подобные модели, описывая и регистрируя уже вскрытые закономерности, выступают скорее не средством познания, а его результатом [10, с. 32]. Во-вторых, концентрируя своё внимание на соотношении систем ИЯ и ПЯ, подобные теории абсолютизируют объект – текст, рассматривая его как реализацию языковой системы *per se* и тем самым полностью игнорируя сущностную связь любого текста с субъектом коммуникации.

В зарубежном переводоведении кризис лингвистических теорий, ориентированных на источник перевода – оригинал и систему ИЯ (*source-oriented approach*), начался в середине 1980-х, когда в научной парадигме произошла переориентация на цель перевода – текст ПЯ (*target-oriented approach*), с параллельным включением в теоретические модели наряду с лингвистическими элементами культурных и прагматических факторов рецептивного контекста. Одной из главных предпосылок подобной «научной революции» в теории перевода – «прагматического поворота» (*pragmatic turn*) [14, с. 35], ставшего основой более масштабного «культурного поворота» (*cultural turn*) [11, с. 1], – послужило возникновение скопос-теории (Х. Вермеер и К. Райс).

В скопос-теории текст ПЯ рассматривался как самостоятельный текст, функционирующий по своим особым законам, а важнейшей категорией была адекватность, причем не тексту ИЯ, а цели (*scopos*) текста ПЯ – его функции в рецептивном контексте. Эквивалентность же рассматривалась лишь как одна из возможных целей, наряду с иными функциями текста ПЯ, потенциально отличными от функций текста ИЯ в исходной культуре. Тем самым скопос-теория легализовала возможность отклонений от текста ИЯ на любом функционально необходимом уровне, вплоть до нулевой эквивалентности. Однако основной акцент в скопос-теории делался на факторе «людей» при радикальном отказе от учёта фактора «средств», а это означает, что как и лингвистические теории, скопос-теория также предполагала одномерный анализ.

Вместе с тем, именно скопос-теория легла в основу более «уме-

ренных» и методологически более перспективных зарубежных функциональных теорий (Кр. Норд и Дж. Хаус) и также функционального по своему характеру отечественного прагматико-информационного направления (А.Д. Швейцер, С.В. Тюленев, Т.А. Казакова и др.). Основные категории указанных подходов (адекватность, полноценность, репрезентативность, функциональная эквивалентность) во многом синонимичны и в целом ориентированы на прагматическую равноценность текстов ИЯ и ПЯ, при одновременном стремлении к максимально возможной содержательной полноте и эстетической равнозначности. Следовательно, в рамках подобных теорий одновременно учитываются и фактор «средств», и фактор «людей», а также частично фактор «общения». Однако в качестве «успешных» признаются только те переводы, в которых авторские смыслы дошли до реципиента без каких-либо значимых потерь. Тем самым *презюмируется* факт «верного» и полного понимания, в то время как информация в художественном тексте теоретически неисчерпаема. Кроме того, ориентация в данном случае идёт на некоего «усреднённого», а в реальности – мифического реципиента и такого же переводчика, который *должен* «верно прочитать тему в тексте и дать единственно правильную интерпретацию последнего» [8, с. 10]. В действительности же есть лишь реальные субъекты – «те, кто почитывают» (переводчик, реципиент) и «те, кто пописывают» (автор, переводчик) [9, с. 108], между дискурсивными средами которых всегда есть определённый «зазор» [8], за счёт которого неизменная вариативность и некоторое приращение или редукция смыслов при переводе неизбежны и поэтому вполне законны.

Лингвистическое и прагматико-информационное направления, которые, согласно терминологии Н.Л. Галеевой [3], составляют субститутивно-трансформационную онтологию, занимали в отечественном переводоведении ведущее положение на протяжении всего прошлого века. Вместе с тем, описать сложный процесс перевода теории этой онтологии методологически неспособны: практически не учитываются ни проблема понимания, ни эвристика и творческая компонента стратегии перевода, ни вопрос о дискурсивной детерминации, ни связанная с ним проблема множественности и вариативности перевода. Их несостоятельность применительно к художественному переводу была успешно продемонстрирована ещё Н.Л. Галеевой [3]. Здесь же просто отметим, что подобные теории представляют собой «формально-количественный подход» [6, с. 16], в то время как художественный перевод – это творческий процесс, который количественно (по параметру эквивалентности, адекватности и т.д.) измерить нельзя.

Значительное число продуктивных моделей художественного перевода (Н.Л. Галеева, Ю.А. Сорокин, Е.М. Масленникова, Е.В. Гарусова, Л.В. Кушнина, Т.А. Фесенко, Н.М. Нестерова, Л.М. Алексеева и др.)

в отечественной теории разработано в рамках качественно иной деятельностной онтологии, фундированной на положениях психолингвистики, лингвокогнитивистики, герменевтики и лингвокультурологии. В этих моделях перевод рассматривается как речемыследеятельность конкретной языковой личности, протекающая в рамках достаточно широкого контекста, т.е. учитываются факторы «общения» (процессы смыслопорождения и смыслорецепции) и «людей». Кроме того, в традиции психолингвистики, именно в данной онтологии было предложено понятие «вариативность перевода», впоследствии определённое как переводческая универсалия (см.: [4]). Вместе с тем, реконструкция процессов смыслопостроения и смыслорецепции здесь ведётся в некотором отрыве от языковой трансформационной динамики текста (фактор «средств»), в то время как на дотекстовом этапе в сознании автора действует определённый «когниотип "значимой формы"» [1], и именно на подобном принципе функционализма основан принцип гармонии формы и содержания художественного текста. Следовательно, при моделировании перевода во многом именно текстовая трансформация как эмпирическая база позволяет отследить динамику смысловой трансформации в нескольких конкурирующих дискурсах – авторском, переводческом и читательском (с учётом соотношения потенциальных дискурсивных практик «тел» текстов у реципиентов ИЯ и ПЯ).

Кроме того, в зависимости от степени непонимания текста ИЯ и утраты смыслов в ряде теорий этого направления (см., например: [4; 6]) переводы, отклоняющиеся от некой «верной» интерпретации, рассматриваются как ошибки или неудачные решения. Безусловно, разработанная в частности В.М. Жигалиной [6] типология переводческих ошибок представляет значительную практическую ценность для критиков перевода, в распоряжении которых до недавнего времени имелись лишь малоэффективные лингвистические критерии оценки. Однако подобные концепции, как и функциональные теории, не всегда учитывают вполне естественный и неизбежный для любой текстовой коммуникации «зазор» между интерпретационными потенциалами автора, переводчика и реципиента, в силу которого не всякое «отклонение» в переводе будет действительно ошибкой. По этой причине, с нашей точки зрения, критический элемент при моделировании художественного перевода должен быть обращён не на тексты ИЯ и ПЯ (субститутивно-трансформационная онтология) или распределённые на их основе смыслы (деятельностная онтология), а скорее непосредственно на саму креативную и рецептивную среду, в которой и происходит опредмечивание и распределённое опредмечивание смыслов (дискурсия). Исследователь при таком подходе определяет не то, что следовало сделать переводчику, а почему им было принято то или иное решение (смысловые предпосылки), не то, какой именно языковой элемент или смысл изменился в тек-

сте ПЯ относительно текста ИЯ, а к каким смысловым последствиям это изменение привело. Оптимальный инструмент для подобных теоретических построений – дискурс-анализ, выявляющий приоритеты и факторы переноса текста из одной лингвокультурной системы в другую, т.е. определяющий разнонаправленные силы, растягивающие перевод в противоположных направлениях [2, с. 130].

Таким образом, в рамках дискурсивной онтологии критический элемент приобретает не нормативно-оценочный, а эпистемологический характер, так как критика направлена уже не на оценку соотношения текстов ИЯ и ПЯ в формальном и смысловом аспектах, а на познание «логики» этого соотношения, на познание сущности интердискурсивной смысловой динамики процесса перевода. Кроме того, в отличие от двух рассмотренных онтологий, дискурсивная онтология предполагает реконструкцию динамики перевода как «неразделимого *со-бытия*» [5, с. 16] субъектов – автора и переводчика, объектов – текста ИЯ и текста ПЯ, и адресатов – реципиентов ИЯ и ПЯ. Безусловно, в рамках деятельностной онтологии ряд исследователей (например, Ю.А. Сорокин, Е.М. Масленникова, Л.В. Кушнина) также анализируют перевод в подобном ключе, что позволяет говорить о возможности *включения* деятельностной онтологии в более широкую дискурсивную онтологию и о поглощении её методик интегральным по своему характеру дискурс-анализом. Сама же дискурсивная онтология перевода в свою очередь фундирована именно на положениях деятельностной онтологии и имеет антропологическую фокусировку на дискурсии каждого субъекта межкультурной текстовой коммуникации как специфической языковой личности со своей уникальной речемыслительной программой. Однако в таком случае идёт параллельный учёт всех трёх базовых параметров, это: 1) реальные субъекты текстовой коммуникации (автор, переводчик, реципиенты ИЯ и ПЯ) как языковые личности, текстокреативная и тексторецептивная способности которых маркированы факторами особой дискурсивной среды и ограничены «рамочным пространством» конкретной культуры как тотальной дискурсивной формации (фактор «людей»); 2) смыслы и концепты (ноэмы), актуализованные в сознании каждого субъекта на базе языковых средств текстов ИЯ/ПЯ, с учётом принципа гармонии текста и давления факторов дискурсивной среды и «рамки» дискурсивной формации культуры ИЯ/ПЯ (фактор «средств»); 3) динамика интердискурсивного взаимодействия каждой языковой личности с соответствующим текстом (в форме процедур текстопостроения и/или тексторецепции) и между собой, с учётом потенциальной разности интерпретационных потенциалов, обусловленной наличием «зазора» между актуальными для каждого из субъектов наборами факторов дискурсивности, которые в свою очередь предопределяют условия, средства и результат опосредованной текстами межкультурной

коммуникации, а тем самым и текстовую трансформацию, и вариативность перевода (фактор «общения»).

В целом, подобная параметризация анализа даёт возможность «расклеивания» фаз художественного дискурса и, следовательно, дискурсивных проекций текста автора, переводчика и реципиента, что для модели художественного перевода принципиально. При этом в центре дискурс-анализа находятся именно динамические процессы понимания, смыслообразования и концептуализации, протекающие в языковом сознании реципиента на основе текста (см.: [8; 9]), поэтому главный акцент при анализе перевода делается именно на отношениях антропоцентров (автора, переводчика, реципиентов ИЯ и ПЯ) внутри схемы переводческого интердискурса (фактор «общения»). Здесь следует подчеркнуть, что в современной лингвистике художественный текст рассматривается как вид коммуникации («общение»), которая сама по себе предполагает вариативность, динамизм и диалогизм, что также свидетельствует в пользу выделения дискурсивной онтологии перевод – как и современное состояние более прогрессивных по сравнению с отечественными западных теорий перевода. Речь в первую очередь идет о наиболее значимом и масштабном направлении – *Descriptive Translation Studies*.

Первоначально дескриптивная теория развивалась в культурологическом направлении (так называемый *cultural turn*), сближаясь со сравнительным литературоведением. Для ведущих представителей этого направления (Г. Тури, Дж. Холмс, И. Ивэн-Зохар, А. Лефевр, С. Баснетт, Х. Ламберт и др.) главным объектом анализа стало функционирование текста ПЯ в рецептивном социо-культурном контексте, с точки зрения его встраивания в литературную традицию и репертуар культуры ПЯ. Инновативная ценность этих теорий состояла в том, что впервые основной акцент делался на наборе факторов культурного контекста, предопределяющих рецепцию перевода. Впоследствии в рамках дескриптивной школы сложилось новое направление – социология перевода (Т. Херманс, Э. Пим, Л. Венути, А. Честерман и др.), где предметом анализа стало воздействие уже не столько на процесс рецепции текста в культуре ПЯ, сколько непосредственно на самого переводчика социо-историко-культурных и политических факторов, предопределяющих формирование норм перевода (Г. Тури) и, следовательно, действия переводчика как «манипулятора» (Т. Херманс) текстами ИЯ и ПЯ, а также последующее функционирование перевода в культуре ПЯ. Это позволило говорить не только о культурном, но и о социальном повороте (*social turn*) [15, с. 9] и «политизации» [13, с. 147] теории перевода.

Таким образом, по верному замечанию Кр. Шэффнэр, начиная с середины 1980-х фокус исследований постепенно сместился на социальные, культурные и коммуникативные практики, на каузирующую взаимосвязь социокультурных, идеологических и политических факто-

ров и действий переводчика [13, с. 147]. Подобная теоретическая мультифокусировка, предельно широкая контекстуализация процесса перевода и представляют собой не что иное, как дискурсивный подход. Неслучайно Кр. Шэффнер подчеркивает практическую ценность дискурс-анализа (в том числе и критического) для современной теории перевода. Ряд теоретиков (например, Б. Хэтим, Я. Мэйсон, Э. Пим, Т. Херманс, Р. ван дер Броек, К. Лотфипур-Саэди) открыто признают дискурсивную направленность своих подходов. Однако, учитывая предельно полярные трактовки категории дискурса и разнообразие вариаций дискурс-анализа, трудно не согласиться с Э. Пимом [12] в том, что дискурс-анализ продуктивен для теории перевода только если рассматривать сам перевод как интердискурсивную деятельность, предопределённую не только лингвистическими, но и рядом сдерживающих и направляющих её внешних факторов. Подобной, прагмафункциональной трактовки мы и придерживаемся, выделяя дискурсивную онтологию перевода.

Список литературы

1. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Л.О. Бутакова ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2001. – 48 с.
2. Галеева Н.Л. Дихотомии в переводческой деятельности [Текст] / Н.Л. Галеева // Космополис. – 2006. – № 1(15). – С. 127–133.
3. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода [Текст] / Н.Л. Галеева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1997. – 80 с.
4. Гарусова Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.В. Гарусова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2007. – 173 с.
5. Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.С. Гафарова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2006. – 139 с.
6. Жигалина В.М. Герменевтические основания типологии переводческих ошибок и неудачных переводческих решений [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / В.М. Жигалина ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2006. – 234 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
8. Миловидов В.А. Назад в будущее: Ч.С. Пирс и семиотические основания теории литературно-художественного дискурса [Текст] / В.А. Миловидов // Знак и символ. ZnakIsymbol : сб. науч. тр. – Lodz ; Тверь : Universitet Lodzki ; Твер. гос. ун-т, 2010. – С.6–16.
9. Миловидов В.А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурс-анализа литературного произведения [Текст] / В.А. Миловидов // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2007. – № 10. – С. 108–112.
10. Пшёнкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект [Текст] : дис. ... д-

- ра филол. наук: 10.02.19 / Т.Г. Пшёнкина ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2005. – 330 с.
11. Bassnett, S. & Lefevere, A. (Eds). Translation, History and Culture [Text] / S. Bassnett; A. Lefevere. – London : Pinter Publishers, 1990. – 133 p.
  12. Пым, А. Limits and Frustrations of Discourse Analysis in Translation Theory [Text] / А. Пым // Fremdsprachen.–1991.– Vol. 2–3.– Pp. 29–35.
  13. Schäffner, C. Politics and Translation [Text] / C. Schäffner // A Companion to Translation Studies. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – Pp. 134–147.
  14. Snell-Hornby, M. The Turns of Translation Studies: New Paradigms or Shifting Viewpoints? [Text] / M. Snell-Hornby. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2006. – 205 p.
  15. Wolf, M. (Ed.) Constructing a Sociology of Translation. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. – Pp.1–38.

DISCURSIVE ONTOLOGY IN TRANSLATION STUDIES: GROUNDING OF THE STATUS

К. И. Leontyeva

Moscow Institute of Public Administration and Law, Smolensk affiliate

In the article the place of a new discursive ontology within modern Russian and Western Translation Studies paradigm is defined. Methodologically this ontology is based on the integrative discourse analysis, variables of which (factors of «means», «communication» and «communicators») enable the study of real semantic dynamics taking place within translator's interdiscourse in the act of literary communication.

Keywords: *Translation Studies, discursive ontology, discourse analysis, translator's interdiscourse.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна – преподаватель Смоленского филиала Московского института государственного управления и права, соискатель кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: ksenja_leontieva@mail.ru.